

Americans, such as professor Robert White, neurosurgeon from Cleveland, Ohio; professor Hugh Stevenson, surgeon from Columbia, Missouri; and professor Miroslav Klain, anesthesiologist of Pittsburgh, Pennsylvania. We all appreciated the gracious invitations to Vladimir's home, which in recent years has been in the home of the family of his daughter. I had the privilege of listening to the piano playing of Vladimir's grandson, Vladimir Jr.; he played Debussy with much feeling. I was told that he also became a fine physician, and I am looking forward to meeting him again.

My Russian-friendly emotions may have subconsciously started in World War II. On April 12, 1945, on my 21st birthday, toward the end of the battle of Vienna, I was an Austrian medical student in semi-hiding from the German authorities, working in the surgical department №1 of the University Hospital of Vienna. There, on that day, I shook hands with the first liberating soldier of the Red Army. On the same day president Roosevelt died. Viennese people had variable experiences and mixed memories of those days, often having been caught between retreating German SS troops (committed to destroy our city) and the advancing Red Army (which tried to preserve it). Soviet soldiers

brought us peace and American soldiers brought us freedom. My link with Prague is easily explained by Czech-Viennese family roots of Eva and myself.

Looking back, Vladimir and I enjoyed over 3 decades of mutual collaboration and stimulation. This was recognized by others. In 1994 in Pittsburgh, Professor Peter Winter, my successor as Chairman of the Department of Anesthesiology and Critical Care Medicine at the University of Pittsburgh, announced at one of his faculty meetings, that "Vladimir Negovsky of Moscow and Peter Safar of Pittsburgh were officially nominated three times for the Nobel Prize in medicine – in 1990 by the USSR Academy of Medical Sciences, in 1992 by Scandinavian professors of anesthesiology, and in 1994 by the University of Pittsburgh."

Dear Vladimir, I salute you. Thank you for having pioneered reanimatology. Thanks to your family and associates for having helped you succeed. Since the start of our friendship, I have been impressed by your knowledge, your innovative ideas, your directness, and the warmth of your personality. My wife Eva, my sons Philip and Paul, and my associates congratulate you on your 90th birthday. We wish you many sunny days to come.

Cordially
Peter Safar

Мои встречи с профессором и академиком Владимиром Неговским

(К 90-летию проф. В.А. Неговского, 19 марта 1999 г.)

П. Сафар

Питтсбург, США

Дорогой Владимир Неговский – с 90-летием!

Мы – Ваши коллеги во всем мире – празднуем вместе с Вами первые 50 лет “реаниматологии”, области, где Вы были первооткрывателем. Вы предложили этот термин для научных исследований острых процессов умирания и оживления. То, что Вы и я называем реаниматологией, Запад позже назвал медицинской критических состояний. Еще до Второй мировой войны Вы были инициатором создания первой исследовательской лаборатории в области реаниматологии. Мы благодарны Вам за Ваши начинания и последующее развитие этой проблемы. Ваши последователи и преемники по профессии всегда будут помнить Ваш вклад в историю медицины.

В 50-е годы, начиная исследования в области реанимации в Балтиморе, я не знал о работах Неговского. После переезда в Питтсбург в 1961 г., я обнаружил английский перевод его книги “Оживление и искусственная гипотермия”, опубликованной на Западе в 1962 г.

Впервые с профессором В. Неговским мы встретились в начале сентября 1962 г. в Австрии, в Вене. Это было на первом Европейском конгрессе по анестезиологии, организованном профессором Отто Мейрхофером, руководившим Отделением анестезиологии и интенсивной терапии Венского университета в те годы. Соорганизаторы проф. Мейрхофера, проф. Карл Штайнер и я, посовещавшись, решили

пригласить В.А. Неговского для участия в возглавляемой мною комиссии “Противоречивые аспекты реанимации”. Нам, жителям Запада, было интересно проникнуть через “железный занавес” с помощью научных связей и совместной работы. Профессор Неговский и я, являясь инициаторами своей формы “гласности” для медицины критических состояний, в 1962 г. добились, возможно, больших успехов, чем президенты Кеннеди и Хрущев, которые встречались в Вене приблизительно в то же время, но не прекратили идеологическую и geopolитическую конфронтацию между правительствами наших стран.

В Вене 5 сентября 1962 г. наши дебаты в комиссии продолжались 3 часа и были очень результативными. Обсуждался широкий спектр проблем – от этапов сердечно-легочно-мозговой реанимации (основные и специализированные мероприятия по поддержанию жизни, длительное жизнеобеспечение) до постреанимационной болезни (понятие, сформулированное В. Неговским) и даже вопросы дыхания кислородом в космических кораблях (мы встречались через 4 года после запуска спутника). Чешские коллеги Хуго Кошпер и Иржи Покорны участвовали в обсуждении и без колебаний вступали в научный спор с профессором Неговским. К этому Владимир относился с вниманием и доброжелательно. Наши дискуссии в комиссии стали в 1963 г. основой публикаций для первой монографии из серии “Анестезиология и

реаниматология" издательства Спрингер-Верлаг. На той же встрече в Вене в 1962 г. мой отец Карл Сафар, профессор офтальмологии, и моя жена Ева также познакомились с Владимиром Неговским и пригласили его и других на ланч в дом моих родителей. Я с симпатией относился к Владимиру, которого "опекали" другие русские. Несмотря на это, мы с Владимиром общались вполне открыто и стали друзьями на всю жизнь. Владимир пригласил меня в Москву. Год спустя я смог принять его приглашение.

16-25 сентября 1963 г. я впервые побывал в Москве вместе с моим другом и коллегой Хью Розомофф, тогда работавшим нейрохирургом в нашем Питтсбургском университете и являвшимся первопроходцем в области исследований по гипотермии. Хотя в 60- и 70-е годы Советский Союз для большинства приезжающих с Запада был закрытым обществом, мы чувствовали себя, как дома. Наше путешествие в Москву оплачивалось моим грантом Армии США на исследования по реанимации. В Москве мы встретили Гая Никербокера из Балтимора, который провел несколько месяцев с Наумом Гурвичем в лаборатории Неговского, изучая дефибрилляцию; Гурвич до этого разработал наружную дефибрилляцию с использованием постоянного тока. Гостеприимство Владимира Неговского, Александра Гурвича, Владимира Кассиля, Елены Дамир, Виктора Табака, Евгения Золотокрылиной и других не имело границ. Тигран Дарбиян, Армен Бунтян, а позже и Георгий Андреев из Риги также стали нашими добрыми коллегами. Детали этого визита описаны мной и доктором Розомофф на 90 страницах работы "Визит в Прагу и Москву в сентябре 1963 г."

"Папа Неговский" был явным лидером этой исторической команды. Патофизиолог В.А. Неговский опережал нас в исследованиях по реанимации. Еще в начале сороковых годов он разработал модель остановки сердца от кровопотери у собак с использованием внутриартериального нагнетания крови, что было нам продемонстрировано в 1963 г. Мы узнали тогда о зиме 1941-42 гг., когда гитлеровская армия была остановлена в первый раз у Москвы. Бригада Неговского успешно применила тогда внутриартериальное нагнетание и искусственную вентиляцию легких для спасения раненых солдат, истекающих кровью. Под влиянием Неговского мы расширили экспериментальные патофизиологические исследования в Питтсбурге. Мы уделяли большое внимание технике реанимации, что произвело впечатление на московских коллег.

Мы ехали в Москву через Прагу, где установили тесные отношения с Хуго Кесслером, Иржи Покорны, Мирославом Клайном и другими. Кесслер и Клайн позже присоединились к нашему отделению в Питтсбурге. В Праге и Москве, в городах с хорошо развитой системой оказания добольничной помощи, мы увидели в действии первые мобильные бригады, укомплектованные врачами.

Позже был убит Кеннеди, умер мой отец – и то, и другое случилось 22-23 ноября 1963 г. Я получил исключение соболезнования по поводу утраты от Владимира.

После моего первого визита в Москву я узнал, что сенатор США Губерт Хэмфри, который посетил Москву примерно в то же время, доложил Конгрессу о своих положительных впечатлениях об исследовани-

ях под руководством Неговского процессов умирания и оживления в СССР.

Мы с Владимиром общались в течение многих лет на английском, в основном через переводчиков. Я пытался выучить русский, но безуспешно, и отказался от этой идеи. Владимир однако совершенствовал свой английский и вскоре он мог не только понимать, но и делать доклады по-английски. Наше профессиональное взаимодействие частично зафиксировано в моих мемуарах, которые сейчас печатаются Американским обществом анестезиологов.

В течение 30 лет мы обменивались тезисами и публикациями. Неговский изучал и описывал "постреанимационную болезнь" организма, которую позже другие исследователи называли "реоксигенационными повреждениями" или "вторичными постишемическими, посттравматическими нарушениями". Я рекомендовал для издания "Эльсевир" (1983) классическую книгу по этому вопросу, написанную В. Неговским в соавторстве с А. Гурвичем и Е. Золотокрылиной. Я также помогал публикации на Западе и других работ профессора Неговского.

Мы постоянно общались по научным проблемам, чemu способствовали ежегодные встречи на медицинских конгрессах в разных странах и мои визиты в СССР в 1973, 1983, 1986 и 1990 гг. (и моих сотрудников 1978 и 1989 гг.). Неговский посетил Питтсбург в 1976 г. (он участвовал в десятом и последнем международном симпозиуме по медицине неотложных и критических состояний), в 1981 г. (II Всемирный конгресс медицины неотложной помощи и медицины катастроф, Клуб Майнц). В 1987 г. Питтсбургский университет вручил ему "Специальный Аттестат Признания".

Зимой 1983 г. из Москвы мы вместе с Неговским и его коллегами поехали в Ригу (Латвия), на Всесоюзный съезд анестезиологов, проводимый там Андреевым. Владимир доказал, что он мужественный человек, когда он сломал ногу, хромал, сдерживая боль, но вскоре опять катался на лыжах.

В 1986 г. я участвовал в праздновании 50-летия Лаборатории (в то время уже Института) общей реаниматологии Академии медицинских наук СССР, которую я и всегда называл "Институтом Неговского". В 1990 г. руководителем Института стал Виктор Семенов. В этом же году, когда еще существовал СССР во главе с Горбачевым, в моей поездке в Ленинград и Москву меня сопровождала жена, которая высоко оценила гостеприимство наших хозяев, а также программу осмотра достопримечательностей, предложенную нам. Советское общество стало открытым и более доступным. В 1993 г. мы с Неговским помогли профессору Новелли из Флоренции организовать Съезд исследователей мозговой реанимации в Эриче (Сицилия, Италия), который имел историческое значение. Наша последняя встреча с Владимиром состоялась осенью 1994 г. на съезде Европейского Совета по реанимации в Майнце, Германия, где мы оба стали его почетными членами.

В 1995 г. директором Института был избран Виктор Мороз. Мы ждем продолжения наших контактов и, может быть, сотрудничества между молодыми нашими сотрудниками.

Во время холодной войны жителям Запада было намного проще посещать социалистические страны, чем наоборот. Мы были убеждены, что наши гости-

ничные номера в Москве прослушивались. Во времена некоторых моих приездов были и романтические моменты, как, например, вечерние прогулки по заснеженным пустынным улицам Москвы, откровенные разговоры еще до того, как гласность была признана официально. Несмотря на режим, Владимир и его сотрудники заставили нас оценить честность и целостность наших советских коллег:

У нас с Владимиром общим является не только то, что мы изучаем процессы умирания и оживления, но и то, что мы ценим красоту жизни – в природе, музыке, изобразительном искусстве, балете и человеке в целом. Мы общались также и на философские и этические темы. Мы объединили усилия, чтобы способствовать развитию не только реаниматологии, но и медицины катастроф и "медицины мира" в поддержку движения "Врачи мира за предотвращение ядерной войны". В 80-х годах мы посетили профессора Е. Чазова. В мае 1981 г. на Втором конгрессе Клуба Майнц по проблемам медицины катастроф в Питтсбурге (в то время когда движение "Врачи мира за предотвращение ядерной войны" было основано в Вашингтоне докторами Лауном и Чазовым) под нашим с Неговским руководством прошла уникальная дискуссия о предотвращении ядерной войны, в которой участвовали лидеры медицины катастроф, "медицины мира" ("Врачи за социальную ответственность") и военной медицины. В 1983 г. в Риме и Москве мы с Неговским разработали проекты резолюций о готовности к «антаядерной войне», которые затем были одобрены. Все это зафиксировано в первом выпуске журнала "Prehospital and Disaster Medicine", 1985 г. В 1988 г. наша команда из Питтсбурга под руководством моих сотрудников Мирослава Клайна и Эрнесто Претто имела возможность изучать последствия землетрясения в Армении при содействии группы Семенова и армянских коллег.

Несколько раз я приезжал в Москву с другими американцами, профессором Робертом Уайтом, нейрохирургом из Кливленда, Огайо, профессором Хью Стивенсоном, хирургом из Колумбии, Миссури, профессором Мирославом Клайном, анестезиологом из Питтсбурга, Пенсильвания. Мы оценили любезные приглашения к Владимиру Неговскому домой, где жила и семья его дочери. Я имел удовольствие слушать, как

играл на пианино внук Владимира, Владимир-младший. Он с большим чувством исполнял произведения Дебюсси. Мне сказали, что он также стал хорошим врачом, и я с нетерпением жду встречи с ним.

Мои дружеские чувства к России, возможно подсознательно, зародились во время Второй мировой войны. 12 апреля 1945 г., когда мне исполнился 21 год, незадолго до освобождения Вены, я, австрийский студент-медик, находился на полуглавном положении, скрываясь от немецких властей, и работал в хирургическом отделении № 1 госпиталя Венского университета. Там, в тот день, я пожал руку первому солдату-освободителю Красной Армии. В тот же день умер президент Рузвельт. У жителей Вены противоречивые воспоминания об этих днях, ведь часто они оказывались между отступающими войсками СС (стремящимися разрушить наш город) и наступающей Красной армией (которая пыталась сохранить его). Советские солдаты дали нам мир, американские солдаты – свободу. Мои связи с Прагой легко объясняются чешскими семейными корнями Евы и моими венскими.

Оглядываясь назад, я вижу, что мы с Владимиром три десятилетия получали радость и вдохновение от взаимного сотрудничества. Это признано и другими. В 1994 г. в Питтсбурге профессор Питер Уинтер, мой преемник в качестве руководителя Отделения анестезиологии и критической медицины при Питтсбургском университете, объявил на одном из собраний факультета, что: "Владимир Неговский из Москвы и Питер Сафар из Питтсбурга три раза официально выдвигались на Нобелевскую премию в медицине – в 1990 г. Академией медицинских наук СССР, в 1992 г. скандинавскими профессорами анестезиологии и в 1994 г. Питтсбургским университетом".

Дорогой Владимир, я приветствую Вас. Спасибо за Ваши пионерские работы в реаниматологии. Спасибо Вашей семье и сотрудникам, чья помощь позволила Вам добиться успехов. С начала нашей дружбы я был под впечатлением Ваших знаний, Ваших новаторских идей, Вашей прямоты и теплоты Вашей личности. Моя жена Ева, мои сыновья Филип и Пол и мои коллеги поздравляют Вас с 90-летием. Мы желаем Вам многих солнечных дней.

Сердечно Ваш
Профессор Питер Сафар,
Питтсбург, США

Celebration of academician Vladimir A. Negovsky's 90th birthday

W.C. Shoemaker

University of Southern California, USA

On February 1945, I graduated from medical school and went from a cadet to active duty in the United States Navy and was stationed aboard a heavy cruiser, CA135 the USS Los Angeles.

At that time, the second World War was still going on in the Pacific, but had been decisively won in Europe, largely with the enormous costs borne by our great ally, the Soviet Union.

The Soviet Union had beaten the Germans but in the process, lost over 12,000,000 soldiers. This had thoroughly impressed the previously skeptical World, because Russian troops had risen to unparalleled heights of bravery, heroism, self-sacrifice, and professionalism.

As a physician, I had been well schooled in the major contributions to neurophysiology of Ivan Pavlov, who pointed out that, "death of a complicated organism is